Владимир Коркин
(Миронюк)

АХ, ЛЮБОВЬ,

что же с нами ты делаешь...

Skleněný
mustek
2016

Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Содержание

Ах, любовь, что же с нами ты делаешь...

Он не подарил ей больше ни одного рассвета

Волшебство гаммы красок

Отрада, утешение и вера

ЗАБЫЛ…

© Владимир Коркин (Миронюк) 2016
© Skleněný můstek s.r.o. 2016

ISBN 978-80-7534-091-7

Ах, любовь, что же с нами ты делаешь...

Повесть

Аристарх не поверил глазам. В двух шагах от него, у окошечка оплаты за телефон, стоял Устюжников. Тот самый секретарь Ельничного райкома компартии, который пропасть сколько лет тому назад рассматривал его персональное дело. Но пока всё встало на своё место, сколько всего произошло в жизни Ергашова. Вычеркнутый из рядов компартии парторганизацией лесоперевалочной базы, Аристарх уже мысленно поставил крест на карьере и руководителя, и инженера. А ведь самые зрелые годы прошли здесь, в Ельничном. Ему не было и тридцати, когда доверили возглавить цех переработки древесины, одного из крупных коллективов деревообрабатывающего комбината «ДальСеверЛес». Спустя несколько лет, Ергашова, к тому времени коммуниста со стажем, назначили директором лесоперерабатывающей базы, ведущего подразделения ДОКа. И не столько за греющую сердце красную парткнижку, а потому, что он был талантливым инженером, его идеи принимали осязаемый «облик» в производственных структурах комплекса. Впрочем, нередко его задумки воплощались в жизнь как раз благодаря «красной книжице». Потому что стремление коммуниста Ергашова к техническому прогрессу в слабо развивающейся по тому времени лесной отрасли, находило живой отклик у партийцев. А любые усовершенствования, внедрение разработок, новинок требовали средств. Руководство комбината не особо раскошеливалось на новшества. Утверждаемые на партсобрании идеи перевооружения цехов ДОКа уже обретали иную силу, с которой вынуждены были считаться «наверху». После того злополучного вечера, когда партсобрание лесобазы выставило его вон из партии, он долго и трудно переживал эту свою крупную неудачу. Аристарху было страшно обидно, ведь он крепко посрамлён теми людьми, с кем проработал далеко не один год после окончания института, и кто прекрасно знал его

и как человека, и как толкового руководителя. Были, конечно, и у него ошибки, промахи, неудачи, необдуманные житейские поступки, от которых мало кто в суете будней застрахован. Ергашов перебирал в памяти прожитые тут годы. Да, они стали для него настоящей школой возмужания. Неоперившийся инженер уверенно приобретал авторитет, достаточно быстро продвигался по служебной лестнице. С ним считалось руководство ДОКа, ценило. И вот такой казус. Он уже подумывал о переезде на работу в другой лесной район области, сознавая, что там ему придется тянуть лямку рядового технаря, с узким участком работы. Но грозовые грозные над ним тучи помог развеять как раз Устюжников. И вот рядом этот человек, знающий всю его «подноготную». Когда пожилой, представительный старик укладывал платежку в портмоне, Аристарх еще подумывал было окликнуть его. Но нахлынувшие мысли изменили первоначальное намерение: «А что ему скажу? Вон сколько лет, как я уехал из Ельничного. Да и видел-то его всего ничего: на общих партсобраниях комбината, да в райкоме. О чем говорить? Он, вероятно, как был в компартии, так и остался, а я, как почти вся бесчисленная масса партийцев, после «царственного» указа, остался вне её рядов. Конечно, дело не в указующем персте нового владыки страны. На Ергашова, как и на многих бывших «большевиков», самое угнетающее впечатление произвело то, что на безбрежных просторах страны не нашлось ни одного города или села, где бы сказали решительное «нет» роспуску компартии. Как так, в одночасье рухнул колосс, опирающийся тогда на многомиллионную армию людей? Пока он раздумывал, нужно ли подойти к старику, да что сказать, чтобы ненароком не обидеть, того и след простыл.

* * *

«Да это без сомнения Ергашов. Постарел, не молод. Что уж говорить обо мне! Может, не узнал? Все ж он с Ельничным расстался давно. Неужели не помнит? Вряд ли. Наверное, посчитал неудобным подойти ко мне и побеспокоить. Возможно, хотя бы и потому, что после сумятицы начала девяностых годов так, веро-

ятно, и не восстановился в партии. Знает ведь, кем я работал. А я не из тех, кто мог порвать с партией, которой отдал самые лучшие годы своей жизни. И верил, что вокруг нее можно консолидировать лучшие силы страны. Конечно-конечно, были у нас ошибки, перехлёсты, да еще какие! Испортили, испорочили такую идею! И прохлопали какую державу! И что удивительно, те, кто возглавлял крупные производственные структуры и даже парторганизации – районные, городские, областные, сыпанули вон из ее рядов! Кто рванул в кабинеты местной исполнительной власти, кто в профсоюзы и другие общественные организации, кто устроился кадровиками и зам да помами по общим вопросам разных гендиректоров. Значит, настоящими партийцами и не были, а только умели всегда нос держать по ветру. На производство, как я, ушли не многие. Э, да что сейчас вспоминать? Только душу травить. Если он меня не окликнет, пойду себе потихоньку домой», – так размышлял старик, направляясь к выходу. Он не думал, что когда-нибудь еще встретит Ергашова. Отдохнул вот на юге у свояков – и ладно, уже собран чемодан, уже билет в купейном вагоне до Ельничного. Оттуда до Сотинска можно на вертолете, но лучше на речном теплоходе. Это от нечего делать он напросился у родичей пойти заплатить за телефон. Да и сам по межгороду наговорил немало. Пенсия у него хорошая. Устюжников никогда не был прижимистым. Шагая вдоль цветущих каштанов, любуясь магнолиями, слабо подрагивающими на легком ветру листьями кленов, все же набегала грусть: жаль, что не удалось поговорить с Ергашовым, все-таки какой ни есть, а знакомый человек. И соприкоснулись их линии жизни много лет назад при весьма не ординарных обстоятельствах. Да где встретился-то с ним! На юге, почти у моря. Он был не прочь выпить пивка под рыбку, вспомнить ненавязчиво прожитое. Старик медленно брел от узла связи в сторону кинотеатра. Но Ергашов так его и не окликнул, не обогнал. Да пройди тот мимо него рядом здесь, на улице, то тогда, несомненно, сам бы подозвал Аристарха. Старик помнил, что того именно так и звать. Имя-то редкое, не хочешь, а запомнишь. О, как много чего он, бывший секретарь райкома, знал и помнил!

* * *

Выйдя на улицу, Аристарх нигде не приметил знакомой фигуры старика. У кассы по оплате за телефон и переговоры очередь быстро не двигается. То одни заморочки у людей, то другие. О, если бы он увидел Устюжникова на улице, то, конечно, подошел бы. Так уж устроен человек: в очереди всякий народ, да мысли набежали разные, как-то неудобно заговаривать с человеком, которого знал мельком, бог знает, сколько лет не видел в глаза. На улице – ты раскован, свободен, другое уже настроение, мысли иной оборот приняли. На дворе полным ходом идет отсчёт нового времени, а он повстречался с далеким прошлым. По дороге домой купил в магазине литровый пакет кефира, вареной колбасы на окрошку. Картошка, зелень, огурцы, яйца куриные, лучок-перо, сметанка и лимончик давно ждали в холодильнике своего череда. Ергашов будто ощутил, как холодит окрошка рот, и, прожеванная, приятной кашицей стекает в желудок. Невольно сглатывая слюну, прошел к ларьку за «Бородинским» хлебом. Теперь можно шагать домой. Позвонил в дверь. Молчок. Значит, жена ушла по своим делам. Жаль, думал ей сообщить о нежданной встрече. Интересно, она обещала позвонить сыну и дочери, узнать, когда они приедут в гости с семьями. А то взяли моду в загранку ездить. Слово сдержала ли? Разговаривала ли с детьми?

* * *

Ергашова выходила из парикмахерской, когда мимо нее прошел высокий старик в тщательно отутюженных брюках и дорогой рубахе. Она вздрогнула. Это был Устюжников, секретарь райкома партии. О, как забилось ее сердце. Сколько нахлынуло воспоминаний. Устроившись на скамейке под каштаном, женщина мыслями унеслась в далекий зимний день, когда друзья Аристарха – Сашка Сонев и Васька Чернонос, с женами, пришли отметить скорую командировку Ергашова в областной центр. Мужикам молодым что надо? Лишь бы повод был выпить да закусить. А уж бабам завидущим так и хотелось погонять ее Арика за всякими «столичными» безделушками. Хорошо хоть отмахнулся, дескать, дел там

по горло, не до того ему будет. Она знала, что о подобной поездке Аристарх и не думал. Из соседней шахтерской области в лесоперерабатывающий комплекс летели грозные телеграммы: затягивалась поставка древесины, под угрозой срыв плана проходки горных выработок. С него, начальника лесобазы, снимали стружку все районные чины, кому не лень. Грозились принять меры: из-за него, Ергашова, рабочему поселку не присвоят букву «г», то есть не станет Ельничное городом. А соответствующие бумаги давно гуляют в самых «высоких» инстанциях. Была вина и служб лесобазы – не сразу спохватились, понадеялись на станционников. Однако железнодорожники ежедневно срывали ритмичную поставку древесины шахтерам, ссылаясь на нехватку вагонного парка. Начальство шахтеров о том знало, но бомбило срочными депешами прежде всего высокое «лесное» начальство, намекая на возможность «ставить вопрос ребром» перед руководством области и даже перед чинами из первопрестольной. Кто-кто, а она, жена, знала всё про его работу, как могла, успокаивала, подбадривала. Попотел муженек, пока отгрузка древесины наладилась. По своим «столичным каналам» вышел на руководство МПС – министерства путей сообщения, и выбил-таки вагоны. Но волна, поднятая шахтерами, еще катилась. И тут мужу командировка: давай готовить ему майки, трусы, рубашки, костюм. Словом, все, что требуется в неблизкий путь, в областной центр. Картинки из прошлого промелькнули в ее сознании. Она тут же будто от них оторвалась. Внезапно вполголоса произнесла:

– Жаль, что с Устюжниковым разминулась. – И про себя: « Узнать бы, как сейчас дела в районе, как там работает экспериментальный цех Аристарха. Хотя, это давным – давно не цех, а уже акционерное общество. Надо рассказать Аристаше, что видела мельком Устюжникова. С пенсии пусть позвонит Саше Соневу. Узнает, как дела в цехе. Всё ж акционер. Разве самой по телефону брякнуть? Нет, дорого, уж так далеко. Помнит ведь Арка, и сейчас держит в узде, как бился с разными чинами за то, чтобы построить этот цех? Да сколько шишек получил! И не столько, милый мой, из-за этого цэ-э-еха», – со значением протянула последнее слово, будто надеялась, что все это сейчас услышит ее муж.

* * *

Пообедав, Аристарх лег на диван, раскрыл свой любимый журнал, в котором печатались статьи по очень широкой тематике – от гипотез в области физики, химии, астрономии, до материалов по истории прошлого Земли, магии и невероятных событиях и приключениях. Но мысли убегали к этому старику Устюжникову, как к вестнику пережитого, поднимали из глубин памяти перипетии своей судьбы, жизненные коллизии давнего прошлого. Дело было так.

Ни о какой командировке тогда Ергашов и не мечтал. Январь и половина февраля были сущим адом: деревообрабатывающий комбинат лихорадило, срывались поставки леса соседней шахтерской области. Районное начальство грозилось устроить ему выволочку по партийной линии. На самом «верху» решался вопрос о придании рабочему поселку статуса города. А тут почти двухмесячный завал по отгрузке древесины. Подвели лесобазу железнодорожники, оставили без вагонов. Однако это обстоятельство нипочём шахтерскому начальству, у них-то договор о лесопоставках с лесобазой, по сути, номинально входившей в состав ДОКа, имеющей даже свой счёт в госбанке. А шахты исправно перечисляли средства на «кругляк», пиломатериалы и прочую продукцию, но их не поступало. Между тем, все складские ёмкости лесоперерабатывающей базы забиты до отказа. Он, Ергашов, начальник предприятия, ему и отдуваться! Проявив недюжинные организаторские способности, он сумел выбить порожняк. Теперь надо было, как никогда грамотно, организовать погрузку леса с эстакад. «Кругляк» горой возвышался над путями, казалось, тронь хоть одно бревно, и ошкуренный длинномер затопит собой все пространство. Еще предстояло восстановить четкий прежде график работы всех больших и мелких подразделений лесобазы. На производстве Ергашов пропадал допоздна. К середине марта долг перед шахтерами сошёл на нет. В конце той памятной ему утренней планерки раздались требовательные гудки «красного» телефона.

– Слушай, Ергашов, через полчаса подъезжай ко мне. Есть

одно серьезное задание, – дребезжала мембрана уверенным голосом директора комбината. – Жду.

Когда из кабинета Ергашова все вышли, мастер цеха погрузки Василий Чернонос, на правах доброго приятеля, почти друга, он приобщил Аристарха к рыбалке и охоте, простуженным басом спросил:

– Шо там такое, командир? Отгрузка идёть в норме. Я ж тоби казав, докладывав, що с утра станционники подогнали целый состав порожняка. – И, погрузив свое цыганистое лицо в большущий цветастый носовой платок, чихнул. – Фу ж ты, яка гадость прицепилась.

Ергашов махнул рукой, давая понять, разговор был с директором о другом. Тут отворилась дверь, возник Александр Сонев – начальник ПТО – производственно-технического отдела.

– Как ты сказал, Аристарх, принес чертежи новой полуавтоматической линии по разделке древесины. Смотреть будем?

Зная, что у Саши, не в пример его фамилии, характер тяжелый, вспыльчивый, Ергашов был с ним, как можно мягче и приветливее. К тому же Сонев его кореш со студенческой скамьи. А здесь, на Севере, они вообще не разлей вода: не счесть, сколько раз в охотничьих избушках варили похлебку из куропаток, выслеживали зайчишек, снимали с елей беспечных тетеревов. И рыбачили всласть: в горных реках снимали с «кораблика» хариуса, в просторных водах Ироши ловили белорыбицу. Аристарх жестом пригласил друга присесть за стол и раздумчиво сказал:

– Саша, уж извини, меня срочно вызывает директор. Только не сказал, зачем кличет к себе на «ковер». Не обижайся. Чертежи потом. Все равно начнем строить линию не сегодня и не завтра. Деньги на нее еще не выделили. Так что, пока ребята, я умчал.

– А ты что, Вася, приуныл, красный нос крюком повесил? – бросил приятелю Сонев.

– Шо пристав, щутьник. Як чихну, так и сдую тебя.

Незлобиво подначивая друг друга, они разошлись в разные стороны. Сонев в свой кабинет, а Чернонос поехал на погрузочные эстакады.

От директора Ергашов выходил ликующим, так и хотелось отбить прямо в приёмной чечётку. Оказалось, его статья в областной газете о профессоре Петрове, что прорабатывал в одном солидном научно-исследовательском институте Восточной Сибири проблему максимального использования отходов древесины, в частности, опила, произвела заметный эффект среди лесопереработчиков и областного руководства. Ему с обстоятельным докладом предстояло срочно прибыть в объединение «Ирошоблслес». В лесной области отходов древесины – море, их попросту сжигали, нарушая сложившийся веками экологический баланс. С чадящими кострами из опила бездарно расходовались ресурсы, которые могли принести огромную пользу людям. Технология изготовления специальных древесных плит из опила, с прочной внешней облицовкой, похожей на пластик, успешно разрабатывалась в скромных производственных мастерских сибирского НИИ. Новое изделие – этот древесный пластик, как его вкратце и для пущей важности нарекли, может найти широкое применение в строительной отрасли. Однако от изобретения до внедрения – дистанция огромная. У профессора нашлись оппоненты. В родной области ученому ставили настоящие препоны. Очевидно, кто-то в содружестве с людьми «сильными мира сего», параллельно разрабатывал подобную тематику. Ергашов, конечно, не вникал в эту ситуацию, он прочитал в одном техническом журнале корреспонденцию профессора о новом изделии из опила, внешне похожим на пластик, и увлекся этой идеей. Взял да написал ученому обстоятельное письмо. Причем добился, чтобы руководство комбината вызвало того в Ельничное. Все расходы, в том числе командировочные, брала на себя лесобаза. Профессор убедил специалистов предприятия в целесообразности строительства цеха по производству спецплит. Правда, его изобретение пока мытарилось в соответствующих ведомствах. Потому выпуск новой продукции лесобаза могла взять только на свой риск и страх, под личную ответственность Ергашова. После отъезда профессора, пролетели недели, месяцы. Идея ученого в умах руководящего корпуса лесников района стала затухать. Аристарх не сдавался, в

канун Нового года созвонился с областной газетой, где работал известный журналист Ефим Россов. Тот в недалеком прошлом заведовал промышленным отделом их районки «Лесная новь». В тот же день, переговорив с ним, Россов просил прислать обстоятельный материал. Месяца через полтора сочинение Ергашова увидело свет. Подготовленная профессионалом статья заметно отличалась от высланной Аристархом корреспонденции, прежде всего стройностью изложения, логикой построения выводов. И вот теперь его ждали в объединении «Ирошиобллес».

После вечеринки с друзьями, пока Зоя мыла на кухне посуду, Аристарх оторвал сына от книги, немного о том и сём поговорил с ним, и, уложив спать, закрыл за собой дверь в его комнату. Потом завел будильник на пять утра, чтобы не опоздать на самолет: за ночь ветрило так дорогу до аэропорта заметет, что со снежными барханами едва сладят и бульдозеры. К шести на лесобазовском всепогодном «козлике»-УАЗике к крыльцу дома подкатили его друзья. Весело переругиваясь, они затолкнули Аристарха в машину. До вылета рейса оставалось больше трёх часов. Уже накатанная спозаранку автомашинами дорога вела мимо рубленых и сборно-щитовых домов. Из недр почерневших печных труб в установившееся сейчас безветрие свечами поднимался дым. Аэропорт – в соседнем Сотинске, провинциальном городке, районном центре. Рабочий поселок Ельничный выгодно отличался от него: он стремительно развивался, рос, все увереннее обретая черты современного города. Вот и Сотинск. Тот разметался деревянными постройками вдоль Ироши и на взгорьях, нахлобучив на крыши крутые снеговые шапки, прикрыв глаза-окошки резными ставнями. Надсадно тявкнет из подворотни озябшая собачонка, мелькнет трудяга «хлебовоз», и опять в воздухе висит тишина. В выходной день сотинцы непрочь поваляться лишний часок-другой в постели. Город недавно проснулся от многовековой спячки: заговорили на периферии района газовые и нефтяные фонтаны. Однако заурядный райцентр таковым останется еще на четверть века, поскольку он примостился в глухомани, лежал в стороне от железнодорожных и автомобильных магистралей. Просто был

исторически сложившимся центром района. Все пути вели в Ельничное.

– Слушай, ирой, – позвал Аристарха Чернонос, – прихватил коньячок на пожарный случай. По маленькой давай за твою удачу.

– Я тебе сейчас покажу героя! – встрепенулся Сонев. – Кинут Арку летуны. Раз сам клюкнул, так и помалкивай.

Аристарх отхлебнул из фляжки Василия глоток, зажевал пластиком лимона и похрумкал шоколадкой. Тут и аэропорт. Как водится, первый рейс откладывался: техника очищала взлетно-посадочную полосу от снега. Ергашов попрощался с друзьями. Пыхнув отработанным газом, машина умчалась в Ельничное. Он нашел свободное место в зале. Рядом, судя по разговору, ожидала своего вертолета вахтовая смена на одну из дальних буровых. Группа ненцев в малицах, крытых ярко-зеленым сукном, провожала товарища на совещание оленеводов. Они похлопывали своего посланца по плечу, что-то весело кричали ему, то и дело повторяя слово Марко-Сале, название райцентра, где их другу предстояло поделиться опытом своей работы. Как раз объявили посадку на АН-2 до Марко-Сале. Ненец пошаркал в тяжелых новеньких унтах к самолету, а провожавшие его быстро зашагали в легких торбасах к оленьим упряжкам. Ергашов встал в очередь к киоску «Союзпечати». Кто-то хлопнул его по плечу. Он обернулся.

– Что, старина, не признал? – спросил дружелюбно высокий молодой мужчина, снял заячьи варежки, протягивая ладонь.

Надо же, Ефим Россов!

– Ефим! Вот так встреча! Я думал ты сейчас в Ироши. – Аристарх крепко пожал ладонь приятелю.

– Как видишь, в Сотинске. Был у геологов в командировке. Так что, завтра вместе топаем на совещание в «Ирошиобллес»? Твоя статья о плитах из опила наделала много шуму.

– Да ладно. Ты сам над ней основательно поработал.

В самолете уселись рядышком. Мерный рокот двигателя убаюкивал. Аристарх пытался представить будущую встречу с профессором Петровым, о чем они будут говорить, как встретят в объединении предложение ученого о строительстве цеха в Ель-

ничном. Ефим листал центральные газеты, что-то подчеркивал в своем блокноте. Вскоре он задремал. Аристарх посчитал неудобным будить журналиста. Может, он в командировке намаялся. Ергашов, как назло, ощутил жгучую потребность выговориться. Рассказать бы, как он после окончания института мечтал попасть в лесничество, потому что искренне любил природу, думал познать жизнь главного мегаполиса земли – леса. Заглянуть в его потаённые уголки, посидеть у маленького озерца и поразмышлять о смысле бытия. И без конца удивляться тем чарующим мгновениям, которыми одаривает во все времена года всеродящая и всепоглощающая мать-земля. Поделиться бы, как ему мечталось побыть наедине с тем непередаваемым чудом – расплеснутым по миру невероятным порой сочетанием красок, противоборством и единением дикой природы, все еще непознанной и таинственной. Она испепеляет неугодное ей безумствующими в своей непостижимой силе разрядами молний, разрывающих тонкую небесную ткань. Она ласкова и нежна у тихой, нагретой солнцем, речной заводи, искрится снежным покровом, ликует в день пробуждения. Аристарх думал познать суть явлений и до конца своих дней остаться работать в лесу. Увы, не всем мечтам человека суждено сбыться. Его направили в Ельничное в ДОК «ДальСеверЛес». Вот уж где ему довелось хлебнуть всякого! Летом сплавляли лес по Ироши, тут – не зевай: успевай катерами подгонять плотоматки к выкаточным агрегатам, потом штабелевать древесину на эстакадах, разделывать ее. И чуть что – нагоняй! А зимой не счесть хлопот с погрузкой древесины в железнодорожный порожняк. Точат душу рекламации шахтеров, что получают порой некачественную рудничную стойку, или объявится плохой пиловочник, а то и недогруз. Техники на лесобазе не счесть: лесотаски, краны, лебедки, разделочные эстакады, автотракторный парк, станки ремонтно-механических мастерских…Но первооснова успешных дел – люди, только их надо суметь понять. Поначалу Ергашов даже побаивался своих хмурых лесокатов, готовых в любую минуту надерзить «сосунку-начальнику». Многие из них прошли через горнила исправительно-трудовых лагерей, таким сам черт

не брат. Со временем он понял, не такие уж они и сорвиголовы: поговори с ними по-человечески, оцени вовремя добрый порыв, тогда они будут за тебя горой, не дадут в обиду, сами скрутят хама, а пахать будут от зари дотемна. Сам же прошагал все ступени служебной лестницы: от мастера до начальника цеха и директора лесобазы. В подчинении сотни людей, дополна техники. Всего-то ему тридцать шесть годков.

И вот-вот приземлится самолет в областном центре. Тут и пройдет крупное техническое совещание, тут и решится судьба замыслов профессора Петрова, да и его – Ергашова, высказавшего смелую мысль о строительстве в Ельничном цеха по производству древесных плит из опила по современной технологии. «И хорошо, – думал Аристарх, – если областное начальство надавит на директора, а то ведь Севастьянычу до пенсии всего два года осталось. Он и осторожничает. Ни «да» от него, ни «нет»! Да чего я раскипятился, будто чайник, – спохватился Ергашов. – Все равно большие деньги для новостройки дадут только в объединении». Тут, смешно чихнув, проснулся Россов. Едва они перекинулись парой слов, как бортпроводница объявила о начале снижения и температуре наружного воздуха. В Ироши зима была намного мягче, чем в приполярном Ельничном.

В конце рабочего дня Ергашова принял начальник производственно-технического отдела объединения Александр Константинович Титцев, которого итээровцы объединения звали между собой «фигура». Он у порога своего кабинета дружески потрепал Ергашова по плечу, пропуская вперед себя. А его приятный баритон словно окутывал ватой, такой он был теплый, мягкий:

– Здорово-здорово, Аристарх Владимирович. Молодец, знатное дело раскрутил. И все молчком, минуя нас, грешных. – И, заметив легкий румянец на щеках Ергашова, продолжил: – Фу ты, как девица. Не волнуйся, это к слову. Я лично твою затею в отношении строительства цеха одобряю. Да, новатор, надеюсь завтра на совещании, а там будет и большое областное начальство, не одной газетной статейкой будешь размахивать?

– Александр Константинович, мы отправляли в адрес ин-

ститутской лаборатории профессора контейнер с нашим опилом. Вернули нам образцы готовых из него плит. Замечательное качество, внешняя текстура – загляденье. Отобрал небольшие по размеру плитки, они со мной. Показать?

– Уволь, сейчас недосуг. Кроме ПТО, на меня недавно возложили обязанности исполняющего обязанности главного инженера объединения. Хлопот достаточно, тем более, сегодня. Вместе с замом генерального директора надо проверить готовность к совещанию: наш конференц-зал, как установлены высланные Петровым планшеты, образцы продукции, разные диаграммы, фото, а еще список всех приглашенных, выступающих, меню в ресторане, – тут «фигура» подмигнула Аристарху. – Белорыбицу не забыл?

– Как можно. Да на ресторацию не потянет.

– Зачем так. Посидим с чинами, отметимся, как положено, а потом, пожалуй, ко мне домой в гости. Да, завтра вечером профессор отбудет восвояси, а я с тобой махну в пятницу в Софьинский леспромхоз. У них в субботу торжество – тридцать лет хозяйству. Познакомишься с людьми, приглядишься, что к чему.

Он умолк, брови поползли вверх, нижняя утолщенная губа отвисла. Смешно встряхнул головой, редкие пряди волос рассыпались в стороны, обнажив угрожающую плешь. А весь облик Титцева, особенно лицо – с застывшей стеклянной полуулыбкой, с крохотными усиками и вскинутыми белесыми бровями напоминало Аристарху статую некоего восточного то ли хитреца, то ли полубога Ди Лага, что из вьетнамской пагоды Тау Фуонг. Ему, любителю и ценителю Восточного искусства, на день рождения подарили прекрасно иллюстрированную книгу, где его взгляд приковали шестнадцать статуй из той пагоды: каждая олицетворяла людей со свойственными им страстями, душевными порывами, открывала их внутренний мир

– Так вот, – продолжил Титцев, – выболтаю тебе кое-что, хотя это и не в моих правилах. Нравишься ты мне. Хватка у тебя деловая, грамотный инженер, молод… – И утих, словно раздумывая, стоит ли ему продолжать мысль. Однако открылся: – Нынеш-

ней осенью директора Софьинского леспромхоза ожидает пенсия. Кумекаешь? Тебя намечаем. Там, глядишь, и построишь цех по производству плит из опила. Этого добра в ЛПХ тоже горы несметные. Жгем, дырявим бездарно атмосферу. Как тебе новость?

– Что вы, Александр Константинович, я о таком повороте дела никогда не думал! Это ж старейший леспромхоз области. Там лучшая спелая древесина. Он же у вас образцово-показательный. Потяну ли такое хозяйство?! Боязно даже думать.

– Ты это брось! Без мягкотелости! Мы тебя хорошо изучили. Учти, пост директора ЛПХ, считай, за тобой. Но в отношении строительства нового цеха на нас особо не наседай: от идеи профессора Петрова до производства у нас новых плит – далёкий шаг. Он там, мы тут. Мало ли какие могут возникнуть соображения у нашего областного начальства или в министерстве. Пока не всё ясно в технологии производства этого, так называемого, древесного пластика. После завтрашней агитки Петрова и решим, на прочном ли фундаменте стоит его затея.

Они попрощались. Сообщение Титцева взволновало, обрадовало и чуть обескуражило Ергашова. Быть директором самого передового в области леспромхоза! Он на минуту представил себя в директорском ранге, как он предлагает Соневу и Черноносу сообразные их способностям должности в Софьино. Помечтал, как займется совершенствованием производства, внедряя достижения научно-технического прогресса их отрасли, какие создаст современные мобильные высокомеханизированные бригады по заготовке леса. Но оборвал эти нахлынувшие мысли: рано делить шкуру неубитого медведя. В гостинице Аристарх прогладил свежую рубашку, костюм. Наскоро проглотив Зойкины котлеты, выпив чашку некрепкого чая, нырнул в постель.

Аргументированное выступление профессора на совещании обратило на себя внимание и технических специалистов отрасли, и научной общественности, и руководства области. Интервью с Петровым по телевидению и на радио произвели фурор. Поскольку речь шла о безотходном производстве лесопереработки. В дело шли опил, некрупные фракции щепы, стружки. Горячий

пресс выдавал гладкие плиты отличного рисунка. Только четко соблюдай технологический процесс, необходимые параметры и режимы. Себестоимость продукции гарантирует ее высокую рентабельность. Из так называемого древесного пластика в опытном порядке делают облицовку стен, панелей, потолков, настилов полов, дверных и оконных блоков, и даже изготавливают мебель. Завершая обстоятельную речь, профессор не без горечи сказал:

– Претворять в жизнь наши идеи стала не деревообрабатывающая промышленность, а лесозаготовительная. Смелых в первой отрасли не нашлось. Леспромхоз, построивший цех, имеет высокую прибыль. Продукция его – нарасхват. Заинтересовались уже зарубежные фирмы. Зато у наших руководителей лесной отрасли – излишняя недоверчивость, я бы сказал прямее – некая невосприимчивость к новому.

Особо навострили слушатели ушки на макушке, когда Петров, развивая мысль о полномасштабном развитии нефтегазодобывающей промышленности области, уделил внимание извечной проблеме обеспечения людей жильем. Действительно, стройматериалы, особенно отделочные, чаще везут издалека. Накладно это. Продемонстрированный профессором короткометражный фильм о новой технологии изготовления плит из опила, убедительно подтвердил его идею о том, что получать строительный материал из отходов производства – дело выгодное и перспективное.

* * *

Из ресторана Титцев и Ергашов вышли навеселе, сели в подкативший автомобиль и поехали домой к Александру Константиновичу. Позднее Аристарх не мог припомнить подробностей знакомства с семьей своего босса. Он оставался под большим впечатлением от речи профессора. Да и тостов было поднято немало: за домочадцев Титцева, за новый пластик, как его теперь в просторечии все звали, за Петрова, за новый высокий пост Титцева, вот-вот появится приказ о его назначении главным инженером объединения, за Ергашова – будущего директора Софьинского леспромхоза, и вообще за все хорошее. Помощники Титцева

аккуратно доставили Ергашова в гостиницу, помогли раздеться, и он провалился в глубокий сон. Видно, что-то ему снилось, он раз даже вскочил весь в поту, прополоскал рот из графина с водой, брызнул в умывальнике холодную струю на лицо. И снова, как подкошенный, свалился в кровать.

Последующая цепь событий настолько властно захватила Ергашова, так впаялась в его сознание, так разбередила душу, что и теперь, спустя много лет, ему понадобилось время, чтобы нахлынувшие воспоминания текли ровной чередой.

* * *

Поездка в Софьино складывалась блестяще. В леспромхоз приехало немало гостей. Их ждали с распростертыми объятиями. Вместе с Титцевым и Ергашовым в «УАЗе» были начальник планового отдела объединения Петр Исаевич и председатель профсоюзного комитета «Ирошиобллес» Семен Павлович, или профбог, как его все звали в глаза и за глаза. Вел машину Ефим Настырлов: мужик в годах, бойкий на язык, начинавший свой трудовой путь в Сотинске. В том городе некогда Титцев прошел путь от мастера стройучастка до начальника строительного управления, затем перешел на руководящую должность в местный исполком, откуда его взяли начальником тамошнего леспромхоза, по тем временам одного из крупнейших в области. Затем в трудовой книжке «чина» и появилась запись: «Начальник производственно-технического отдела «Ирошиобллес». И повсюду его сопровождал шофер Настырлов. Вел он себя с начальством непринужденно, по всему было видно, что связывают их не одни производственные дела. Ироши не Север, но город сибирский, потому общих интересов всегда у рядом работающих людей, хоть отбавляй. В Сибири в те годы многие большие планы решались зачастую на природе. Расстилался в погожие летние дни в живописном местечке стол-самобранка, под тосты и обильную еду велись разговоры, веселые и серьезные. Данное здесь каким-то чиновником слово, было крепче алмаза. Такова традиция. Никто ее не смел нарушить, разве что вмешательство только с самого высокого «верха».

Софьино понравилось Ергашову. Добротный современный поселок. Архитектурно грамотно и с выдумкой спроектированы улицы. Здания учреждений, организаций и конторы предприятий выгодно отличались своей внешней отделкой от стандартных контор даже Ельничного. Здесь немало кирпичных построек, отопление почти сплошь центральное, а в медвежьем углу – это редкостное социальное благо. Во всем ощущался достаток: богато убранные витрины магазинов, хорошо одетые люди, снуют личные авто, что в ту пору было символом преуспевания. Располагается поселок на правом берегу Шерги, впадающей в Ирошу. Отсюда к лесным делянкам вели дороги, действующие круглый год, а это могли себе позволить только такие леспромхозы, у которых необозримые лесные массивы со спелой древесиной. Лучшая техника – валочно-пакетирующие и сучкорубные машины направлялись прежде всего сюда, в Софьино. Здешнему деревообрабатывающему цеху позавидуют многие комбинаты, даже ДОК «ДальСеверЛес», который и представлял на торжествах Ергашов. Людей в поселковый клуб набилось видимо-невидимо. Софьино отмечало юбилей широко и щедро. После торжественных речей и концерта все, получившие открыточку – приглашение на вечер, собрались в просторном принаряженном актовом зале леспромхоза. За праздничным столом Ергашова усадили по левую руку от Титцева, а по правую руку от того – привлекательную женщину. Аристарх узнал ее сразу. Она рассказала в клубе о важных страницах из истории района и зарождения леспромхоза, о славных людях, кем гордится поселок. В лице незнакомки было что-то от красоты древних эллинок: правильные черты слегка смуглого лица, прямой тонкий нос, плавный рисунок губ, темные волосы с каштановым отливом. Как только Титцев вышел из-за стола, Аристарх ближе придвинулся к женщине.

– Извините, может быть, отрываю вас от мыслей. Вы так замечательно рассказали о Софьино. Столько привели фактов из истории гражданской войны, как тут люди воевали тогда с белочехами. Никогда бы не подумал, что вы работник леспромхоза. Да, меня звать Аристарх, фамилия Ергашов. Я приехал из Ельничного.